

«Я учу женщин показывать когти»»

Богиня любви. Не интеллектуальная девчонка. Старушка, которая одевается у Армани. Итальянка африканского происхождения, живущая в Париже. Коммунистка и феминистка. Тигрица, притворяющаяся кошкой... И это все о ней — интервью нашей газете дает Клаудия КАРДИНАЛЕ

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия», Париж

— Великий итальянский кинематограф для русских зрителей олицетворяли три кинодивы: Клаудия Кардинале, Софи Лорен и Джина Лоллобриджида. Вас и сейчас связывают какие-то отношения?

— Мы все старушки! Я очень хорошо знаю Джину, а еще лучше — Софи, с которой мы часто встречаемся. Поскольку мы обе одеваемся у Джорджо Армани, мы обычно вместе бываем на его дефиле в Милане.

— В отличие от своих подружек вы по-прежнему много снимаетесь...

— Минувшим летом в Марокко я сыграла в фильме Клода Лелуша «А сейчас, леди и джентльмены...», в котором также заняты Патрисия Каас и Джереми Айронс. Недавно мне предложили три новые роли, о которых я пока не хочу говорить.

— Раньше вы читали предлагаемые вам сценарии глазами Висконти: «Что бы сказал Лукино, если бы увидел меня в этой роли? Не было бы ему за меня стыдно?». Вы по-прежнему делаете это?

— Я часто вспоминаю Висконти на съемочной площадке, глядя на режиссера, который со мной работает. О многом мне говорит уже то, как он расставляет камеры. Кстати, и в этом Лукино был непревзойденным мэтром.

— На днях по телевизору я в очередной раз пересмотрел его «Смерть в Венеции». Какой из его фильмов вы любите больше других? Наверное, «Леопард»?

— «Леопард», снятый в 1962 году, оказался поворотным пунктом в моей карьере. Благодаря этой ленте, меня узнали во всем мире.

— Когда в «Леопарде» на балу вы кружились в вальсе с Бертом Ланкастером, говорили, что это леопард танцует с тигрицей. Вы и по жизни тигрица?

— Затаившаяся тигрица, которая притворяется кошкой.

— И вы часто показываете свои когти?

— Только в исключительных случаях, когда меня к этому вынуждают. Обычно я очень терпелива.

— Как Висконти работал с актерами? Однажды вы сказали, что именно он научил вас играть, держаться перед камерой, контролировать выражение лица, сделал вас красивой...

— В кино он работал так, как обычно работают в театре. Был исключительно требовательным человеком, не допускал никакой импровизации. Каждый жест был продуман до мельчайших деталей. Сама торжественная атмосфера на съемочной площадке, где не допускалось никаких вольностей, была похожа на ту, что царит в соборе.

— Вам никогда не приходилось возражать мэтру?

— Этого никто себе не мог позволить... Я была тогда очень молодой, и нас с ним связывали необыкновенно нежные отношения. Лукино разговаривал со мной только по-французски, писал на этом языке мне письма, ибо для меня, родившейся в Тунисе, французский был первым языком. Он его блестяще знал, так как начинал свой путь в кино помощником у режиссера Жана Ренуара. Мы с ним время от времени ездили в разные города, чтобы посмотреть ту или иную пьесу.

— Одновременно с «Леопардом» вы снимались у Феллини в «Восьми с половиной». Наверное, трудно найти более непохожих друг на друга мастеров?

— Да, они как день и ночь. Если у Висконти было все рассчитано, все запрограммировано, все обдумано, то у Феллини, казалось, была сплошная импровизация. Сценария не существовало, но Федерико знал, чего хочет. Его отличало исключи-

тельное воображение. Известно, что американцы считали его ленты очень скучными. Действительно, его фильмы требуют определенного умственного напряжения.

— У вас случались конфликты с режиссерами?

— Обычно они меня очень любят, и я часто работаю с одними и теми же. У Феллини я снималась в трех лентах, у Болоньини — в четырех, у Коменчини — в двух. А у моего спутника — режиссера Паскуале Сквиттери — в шести или семи. Однако верность я сохраняю только в тех случаях, когда постановщик мне нравится.

— Вы сыграли в более чем сотне фильмов. Какие из них, на ваш взгляд, останутся в истории кинематографа, не считая, разумеется, картин Феллини и Висконти?

— Думаю, что многие. «Профессорналы» Ричарда Брукса с Бертом Ланкастером и Ли Марвином, «Фицкаральдо» Вернера Херцога, «Девушка с чемаданом» Дзурлини, «Однажды на Диком Западе» Серджо Леоне, «Розовая пантера» Блейка Эдвардса... — В середине 60-х годов вы не избежали искушения попробовать свои силы в Голливуде. Это был скорее неудачный опыт...

— Мне предлагали подписать контракт с «Юниверсал» и с «Метро-Голдуин-Мейер», но я не захотела... Я снималась во многих американских картинах в Европе и всегда считала себя скорее европейкой, а за океаном мне всегда предлагали роли французской или итальянской актрисы.

— Вы еще помните фильм Михаила Калатозова «Красная палатка», посвященный экспедиции Нобиле к Северному полюсу, снятый в 1970 году? Почему вы согласились в нем участвовать?

— Это история итальянского путешественника, написанная известным нашим сценаристом. Это было совместное производство с «Мосфильмом». Моим партнером был Шон Коннери, который только что закончил фильм о Джеймсе Бонде. Он пользовался исключительным успехом, и в России на него смотрели как на Бога. Помню, что тогда в России стояли страшные холода — минус 30, но, несмотря на мое африканское происхождение,

я чувствовала себя лучше, чем мои российские коллеги.

— С тех пор связь с нашим кинематографом у вас оборвалась?

— В России я больше не снималась, не считая одного телефильма, который был сделан марокканским режиссером, но в Москве я бывала часто — в том числе на фестивалях... Помню, что в один из первых своих приездов в середине 60-х я появилась в мини-юбке. На следующий день все русские девушки, с которыми я работала, последовали моему примеру... До сих пор я получаю невероятное количество писем от своих российских поклонников и в Риме, и в Париже. Правда, отвечать стала реже — просто нет времени.

— Что представляет собой современное итальянское кино?

— Ничего особенного... Несколько молодых итальянских режиссеров подписали контракты в Америке. Даже во Франции, кроме Нино Моретти, последний фильм которого выдвинут на «Оскара», никого уже не знают.

— Как ни относиться к американскому кинематографу, но надо признать, что он наиболее зрелищен.

— У Америки так много денег... Но не надо забывать, что Голливуд всем обязан европейскому кинематографу. Такие американские звезды, как Скорсезе, Де Ниро, Аль Пачино и прочие — итальянского происхождения.

— Сегодня самая популярная телопередача в России — «За стеклом». Во многом это аналог французской «Ложь стори», которая была «гвоздем» летнего телесезона. Чем вы объясняете успех подобных шоу?

— Я ненавижу такие передачи. Это телевидение для тех, кто любит подсматривать через замочную скважину. При этом участники знают, что за ними постоянно наблюдает камера, и ведут себя неестественно.

— Европейские кинозвезды уже не светят миру так ярко, как в былые времена. И пока не видно смены таким мастерам, как Лорен, Кардинале, Делон или Бельмондо...

— Многого зависит от фильмов. Раньше делали ленты, которые позволяли

мечтать, и их героями были такие актеры — выдающиеся личности, как Гэрри Купер, Кэри Грант, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Пол Ньюмен, Марлон Брандо. Большое значение придавалось слову. Теперь героями кино стали обычные люди, похожие на тех, кого вы обычно встречаете на улице.

— Кого бы вы включили в женскую актерскую дрим-тим?

— Анну Маньяни, Ингрид Бергман, Бетт Дейвис, а также Мэрилин Монро и Брижит Бардо — хотя две последние были скорее символами, чем актрисами.

— Ну а среди молодых дарований?

— Прекрасна Моника Беллуччи... Важна не красота сама по себе, а способность перевоплощаться. Большинство же актеров и актрис всю жизнь не меняются, словно играют одну и ту же роль.

— Некоторые киноактеры по достижении определенного возраста пробуют силы на театральных подмостках...

— Два года назад я играла в Париже в пьесе «Венециана», сочиненной анонимным автором XVI столетия, которая была переведена на французский. Потом я отправилась с ней на гастроли, а затем по этой пьесе сняли телефильм.

— Почему вы, итальянская актриса, вот уже больше десяти лет живете в буквальном смысле на берегу Сены — в квартале Марэ?

— Вначале мне хотелось, чтобы моя дочь говорила по-французски. И когда я приехала в Париж на съемки, то решила здесь остаться. При этом я продолжаю много путешествовать и часто бываю в Риме.

— Вы считаете себя итальянкой или француженкой?

— Я итальянка, имеющая африканские корни и получившая французское образование.

— Среди ваших поклонников был Альберто Моравиа, посвятивший вам целую книгу. Он писал, что вы похожи на ренуаровский портрет, исполненный карандашом Леонардо. Писатель, кажется, любил брать у вас интервью?

— Когда я только приехала из Туниса, то снималась в фоторепортаже на римской вилле Боргезе. Оказавшийся там Моравиа стал за мной наблюдать. Потом я начала работать в кино, и он опубликовал большую статью в журнале «Вэрайети», назвав меня «новой богиней любви». После этого мы с ним несколько раз встречались, и он сочинил обо мне целую книгу. Мы дружили до конца его жизни. Хорошо знала я и Пазолини, который написал сценарии нескольких картин с моим участием — как, например, «Красавчик Антонио». Меня почему-то очень ценили итальянские интеллектуалы, хотя я была совсем не интеллектуальной девчонкой.

— В молодые годы вы не без влияния Висконти вступили в ряды итальянских коммунистов...

— Нет, это неправда. Лукино действительно был всегда коммунистическим принцем. Я же голосую не за партию, а за человека. Один раз — за Берлингуэра (бывшего главу ИКП. — Ю.К.), другой — за социалиста Кракси.

— Во Франции вы были сторонницей правого Ширака.

— Я жила в Париже, когда он был мэром. И вместе с группой интеллектуалов и актеров мы его поддерживали, так как считали, что он проводит культурную политику, которая имеет большое значение для всей Европы.

— У вас репутация воинствующей феминистки...

— В свое время в Италии я участвовала во многих батальных, в частности за развод, за право на аборт. Но я совсем не фанатик феминизма. Поскольку я всегда выше всего ставила собственную независимость, я не считаю, что в семье мужчина должен все решать, а жена оставаться на положении рабыни. Более того, я убеждена, что женщина сильнее мужчины, она не слабый пол.

— В автобиографии вы пишете, что любите уверенных в себе мужчин, так как сами представляете собой сильную личность.

— Я бы не смогла жить со слабым человеком. Мужчина, который, ухаживая за мной, падает от избытка чувств в обморок, меня не интересует. Когда встречаются две сильные личности, идет постоянная битва, и это очень хорошо... С 1965 года я живу с Паскуале Сквиттери, но он больше времени проводит в Риме, а я в Париже. Мы оба очень независимы, не любим монотонность и однообразие в отношениях, которые убивают чувства. К тому же я терпеть не могу обслуживать мужчину — готовить для него кофе или подавать стакан воды. Если я это делаю, то только в свое удовольствие.

— И чем же итальянский мужчина отличается от французского?

— Как ни странно, но у меня никогда не было французских мужчин — даже не знаю почему...

— Вы об этом жалеете?

— Нет, я никогда ни о чем не жалею... Итальянцы иначе относятся к женщине. Они всегда стараются быть рядом, они южане, которые обожают развлекаться, доставлять радость.

— Как складывается жизнь у Клаудии-младшей, которой 22 года? Пошла ли она по вашим стопам?

— Она сейчас в Риме с отцом, но скоро возвращается в Париж. Клаудия снялась со мной в телефильме «Венециана» и еще в одной ленте. Ей хотелось попробовать свои силы — не более того. Она собирается посвятить себя истории искусств.

— После такой блистательной карьеры что сейчас для вас главное в жизни? — Я живу не прошлым, а сегодняшним днем. И, как посол доброй воли ЮНЕСКО, вижу свою миссию в том, чтобы помогать женщинам бороться за свои права. Учу их показывать когти.